

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-187-120-128
УДК 130.2; 93/94

Влияние православной богословской мысли на философию ранних славянофилов на примере письма игумена Антония (Бочкова) И.В. Киреевскому

священник Виталий ЩЕРБАКОВ^{1,2}

¹Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Тамбовская духовная семинария Тамбовской Епархии Русской Православной Церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>, e-mail: vitl.78@mail.ru

Influence of orthodox theological thought on the philosophy of the early Slavophiles on the example of the letter of hegumen Anthony (Bochkov) to I.V. Kireyevsky

Priest Vitaly SHERBAKOV^{1,2}

¹Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation

²Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>, e-mail: vitl.78@mail.ru

Аннотация. В первой половине XIX века в России возникают два диаметрально противоположных по взглядам религиозно-философских течения, именуемых впоследствии «западниками» и «славянофилами». Оба мировоззрения, основанные на фундаментах западнохристианского и восточнохристианского понимания устройства церковногосударственных, общественных отношений, влияния традиции на исторический выбор вектора государственного развития, привели к острым дискуссиям между их основателями, а впоследствии и их сторонниками. В поддержку представителей философско-общественной мысли «западников» и «славянофилов» по богословским вопросам, а также рецензирование отдельных статей включились как католические, так и православные священнослужители. Раскрыто влияние православной богословской мысли XIX века на формирование религиозной философии одного из основоположников «славянофильства» в части постановки и разрешения проблемы исторической традиции. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом в вопросе духовной жизни общества и церковно-государственных отношений. Публикация содержит впервые вводимое в научный оборот рукописное письмо игумена Антония (Бочкова) к И.В. Киреевскому из фондов Российской государственной библиотеки с авторскими комментариями и пояснениями. Раскрыты проблемы религиозно-философской мысли этого периода, то есть влияние римской (языческой) философии на формирование и развитие западного богословия, противопоставление путей развития России и Европы, признание негативного влияния обрядоверия на формирование истинного православного мировоззрения, понимание реформ Петра I как «русской реформации». Анализ эпистолярного источника позволил обнаружить непосредственное воздействие рассуждений игумена Антония на взгляды И.В. Киреевского, отраженные в его трудах.

Ключевые слова: славянофилы; западники; традиция; игумен Антоний (Бочков); Иван Васильевич Киреевский; философия; православие; патриарх; Европа; Петр I

Для цитирования: Щербаков В., священник. Влияние православной богословской мысли на философию ранних славянофилов на примере письма игумена Антония (Бочкова) И.В. Киреевскому // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 187. С. 120-128. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-187-120-128

Abstract. In the first half of the 19th century, two religious and philosophical movements, diametrically opposite in their views, emerged in Russia, later called “Westernizers” and “Slavophiles”. Both worldviews, based on the foundations of the Western Christian and Eastern Christian understanding of the structure of church and state, public relations, the influence of tradition on the historical choice of the state development vector, led to heated discussions between their founders, and subsequently their supporters. In support of the representatives of the philosophical and social thought of the “Westernizers” “Slavophiles” on theological issues, as well as the reviewing of particular articles, both Catholic and Orthodox clergymen were involved. We reveal the influence of the Orthodox theological thought of the 19th century on the religious philosophy development of one of the founders of “Slavophilism” in terms of posing and solving the problem of historical tradition. The relevance of the study is due to the increased interest in the issue of the spiritual life of society and church-state relations. The work contains for the first time introduced into scientific circulation a handwritten letter from hegumen Anthony (Bochkov) to I.V. Kireyevsky from the funds of the Russian State Library with author’s comments and explanations. The problems of religious and philosophical thought of this period are revealed, that is the influence of Roman (pagan) philosophy on the formation and development of Western theology, opposing the development paths of Russia and Europe, recognition of the negative influence of ritualism on the formation of a true Orthodox worldview, understanding of Peter I reforms as a “Russian reformation”. The analysis of the epistolary source made it possible to reveal the direct impact of the arguments of hegumen Anthony on the views of I.V. Kireyevsky, reflected in his works.

Keywords: Slavophiles; Westernizers; tradition; hegumen Anthony (Bochkov); Ivan Vasilyevich Kireyevsky; philosophy; orthodoxy; patriarch; Europe; Peter I

For citation: Sherbakov V., priest. Vliyaniye pravoslavnoy bogoslovskoy mysli na filosofiyu rannikh slavyanofilov na primere pis'ma igumena Antoniia (Bochkova) I.V. Kireyevskomu [Influence of orthodox theological thought on the philosophy of the early Slavophiles on the example of the letter of hegumen Anthony (Bochkov) to I.V. Kireyevsky]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 187, pp. 120-128. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-187-120-128 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Переход от рационализма Просвещения к пониманию истории как органического процесса, произошедшего на рубеже XVIII–XIX веков, вызвал интерес интеллектуальной элиты к вопросу о роли человека в обществе уже не в качестве изолированного индивида, а в качестве неотъемлемой части этого общества, то есть изначально общественного существа. В связи с этим исторические традиции народов, их роль во всемирной истории становятся предметом как научного осмысления, так и художественного творчества. Развитие этих идей получило широкое представление в европейском романтизме первой трети XIX века и нашло своих сторонников и противников в России в связи с появлением «Философических писем» П.Я. Чаадаева. Неоднозначные суждения «басманного философа», высказанные в период поднятия национального самосознания после Отечественной войны 1812 г., когда «просвещенные» представители «двунадесяти» языков показали во всей красе плоды эпохи Просвещения через варварское отношение к святыням, а также историческим и культурным объектам

«просвещаемых», не могли остаться без ответа. И этот ответ последовал, положив начало русской религиозной философии в виде двух противоположных по взглядам направлений, известных под наименованием «западников» и «славянофилов».

Поднятые в первой половине XIX века представителями указанных течений проблемы исторических традиций России не получили исчерпывающего решения до настоящего времени, в связи с чем исследование этого вопроса, безусловно, остается актуальным и в наши дни. Целью данного исследования является введение в научный оборот неопубликованного ранее эпистолярного источника – письма игумена Антония (Бочкова) к И.В. Киреевскому и предварительная оценка влияния идей православного священнослужителя и религиозного мыслителя на формирование идей философа-славянофила.

Иван Васильевич Киреевский является одним из основоположников историко-культурного и социально-политического движения славянофилов. Всесторонне образован-

ный человек, знавший несколько иностранных языков, один из «блестящих» представителей московской молодежи 20-х гг. XIX века, прекрасно разбиравшийся в классической немецкой философии и лично встречавшийся с ее представителями (Гегелем, Шеллингом), он прошел путь от полного безверия к глубокой личной вере, от философа светского до философа, сочетающего глубины философии с глубинами святоотеческой мысли.

Насколько труден был этот путь, свидетельствует записка его друга А.И. Кошелева «Об обращении Ивана Васильевича», в которой раскрывается внутренняя борьба человека «ветхого» с человеком «новым» через осознание истин православия, с одновременным нежеланием отказаться от накопленных знаний [1]. Безусловно, полному «обращению Ивана Васильевича» могли содействовать только личные духовные отношения, основанные на доверии к подвижникам благочестия того времени. Постоянное общение с ними, их советы по переводческой деятельности, подготовке статей, их редактуре и дружеские советы помогли И.В. Киреевскому стать поэтом русской религиозной философии, не отрицающим западных достижений, но желающим лучшие из них соединить с исторически сложившимися отечественными традициями.

Среди указанных лиц исследователи, прежде всего, выделяют иеросхимонаха Филарета Новоспасского и преподобного Макария Оптинского. Их влияние на становление религиозной философии И.В. Киреевского частично отмечается в трудах К.М. Антонова «Философия Киреевского. Антропологический аспект», священника Д.В. Долгушина «В.А. Жуковский и И.В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма», Л.И. Василенко «Введение в русскую религиозную философию» [2–4]. Переписка И.В. Киреевского с преподобным Макарием Оптинским, касающаяся как решения духовных вопросов, так и просьб о корректировке готовящихся к публикации статей, вошла в состав полного собрания сочинений русского философа [5]. Однако исследователи, рассматривая, прежде всего, метафизический, антропологический, филологический и другие аспекты философии И.В. Киреевского, вместе с тем уделяют незначительное внимание этому важнейшему, на наш взгляд, общению фи-

лософа и богословов, имеющему принципиальное значение для каждого из них.

Вместе с тем исследование деятельности И.В. Киреевского дает основание полагать, что усвоенный им соборный принцип решения вопросов, свойственный православному самосознанию, видимо, предполагал обращение ко многим адресатам по вопросу рецензирования подготавливаемых им статей. Одним из них являлся игумен Антоний (Бочков). Практически забытый в настоящее время, этот подвижник благочестия играл значимую роль в той интеллектуальной среде середины XIX века, которая интересовалась духовной стороной происходящих исторических процессов. Для понимания личности игумена Антония (Бочкова) полагалось бы целесообразным привести его биографию.

Игумен Антоний (в миру Алексей Поликарпович Бочков) родился в Петербурге 14 марта 1803 г. в богатой купеческой семье. Получил хорошее образование, знал несколько иностранных языков, имел художественные навыки, писал стихи и прозу, занимался переводами.

Женился в начале 1820-х гг. на Анне Прокопьевне Пономаревой из купеческого рода. В 1824 г. у молодых супругов родился сын Петр. Однако в конце этого же года Анна Прокопьевна заболела чахоткой и в 1827 г. умерла.

Смерть любимой супруги оказала значительное влияние на духовное становление будущего игумена. Изначальное тяжелое психическое расстройство, сопровождаемое галлюцинациями, прошло, после того как он дал обет в случае выздоровления уйти в монастырь.

Однако, как и в случае с преподобным Антонием Оптинским, А.П. Бочков не торопился с исполнением обещанного. С 1828 по 1837 г. он совершил ряд паломнических поездок по различным монастырям, но вследствие собственных идеалистических представлений о монашеской жизни ни один из них не избрал местом своего пребывания. Лишь в Оптиной пустыни он обрел духовного наставника в лице преподобного Льва Оптинского. Примерно в это же время в число послушников святого старца вступил Дмитрий Александрович Брянчанинов, будущий святитель Игнатий, епископ Кавказский. С последним у А.П. Бочкова сложились близ-

кие духовные отношения, которые мы можем видеть в том числе и по сохранившейся переписке.

С 1837 г. А.П. Бочков проживал в Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, архимандритом которой с 1833 г. был упомянутый выше Игнатий (Брянчанинов). Блестящее образованный, находящийся под покровительством императора Николая I и его семьи человек и одновременно аскетичный монах и подвижник, архимандрит Игнатий стал наставником и другом Алексея Бочкова, который пребывал в Троице-Сергиевой пустыни до мая 1844 г. Но духовная связь между друзьями продолжалась всю их жизнь, что можно проследить и через их переписку.

С 1844 по 1846 г. А.П. Бочков формально числился в Троицком Гуслицем монастыре Полтавской епархии, а фактически проживал в доме благоволившего ему епископа Полтавского Гедсона, от которого 5 ноября 1844 г. он принял монашеский постриг с наречением имени Антоний. 13 декабря 1845 г. Преосвященный Гедсон рукоположил монаха Антония в сан иеродиакона, а уже через четыре дня – в сан иеромонаха. В 1846 г. иеромонах Антоний подал прошение о переводе в Старо-Ладожский Николаевский монастырь Петербургской епархии. В 1847–1848 гг. он совершил свое первое паломничество на Святую Землю.

Приняв монашество и священный сан, игумен Антоний продолжал писать. К этому времени относится его письмо оптинским старцам, в котором он, выражая обеспокоенность французской революцией 1848 г. и оскудением христианской веры, предвидя будущие социальные катаклизмы в России и Европе, писал: «Теперь страшен уже не раскол, а общее европейское безбожие. <...> Все европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям Божиим. Посмотрим, что сделает этот род XIX века, сбрасывающий с себя оковы властей и начальств, приличий и обычаев. <...> Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот – Россию, то, чего нам ожидать, судите сами. Я не смею угадывать, но только прошу премилосердного Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы» [6].

В 1852 г., после паломничества на гору Афон, он вновь направился на Святую Зем-

лю, по возвращении из которой временно перешел в Большой Тихвинский монастырь. В 1857 г. был назначен духовником Старо-Ладожского монастыря. В период с 1857 по 1858 г. игумен Антоний совершил третье путешествие в Иерусалим. В 1862–1866 гг. он был игуменом Черемнецкого монастыря.

Весной 1871 г. игумен Антоний перешел в подмосковный Николо-Угрешский монастырь по приглашению его настоятеля архимандрита Пимена (Мясникова). Однако спокойная жизнь престарелого игумена продолжалась менее года. В Москве разразилась эпидемия тифа. Больных и умирающих было так много, что приходское духовенство не успевало совершать необходимые требы: исповедь, причастие, соборование, отпевание. Митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) подписал воззвание к монашествующим с приглашением добровольно служить страждущим в больницах. Одним из первых на него откликнулся игумен Антоний. Архимандрит Пимен писал о нем: «Как первый делатель, он установил надлежащий порядок при отправлении треб и, как добрый пастырь, а не как наемник, положил душу свою за ближних. Во время пребывания своего в больнице он заболел. Я предлагал ему возвратиться в монастырь, но он не пожелал, говоря: «Ежели такова воля Божия, то я желаю умереть на подвиге». Желаемое им исполнилось: он скончался апреля 5, 1872 года» [6].

Игумен Антоний (Бочков) был замечательным писателем. Его авторству, как полагают, принадлежат некоторые прозаические переводы с французского и стихи, опубликованные анонимно в «Благонамеренном» в 1825–1826 гг., а также эссе «Тоска», «Мысли и замечания» в «Альбоме северных муз», изданном А.А. Ивановским в 1828 г. В петербургских архивах хранятся его неопубликованные произведения: повести «Нарвская станция» (1827) и «Знакомый незнакомец, или Слова, сказанные ксати и нексати».

Стихотворения Антония (Бочкова) не были изданы и ходили в списках среди его знакомых и духовных чад. Заметки о его путешествии в Палестину напечатаны в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», а «Письма к разным лицам», написанные прекрасным литературным языком, изданы отдельно в 1869 г. Отдельным изда-

нием также вышла его книга «Русские поклонники в Иерусалиме» (М., 1875 г.).

К игумену Антонию, как к человеку разносторонне одаренному, имеющему опыт духовной жизни, многие обращались за советом. Среди таковых, как сказано выше, был и Иван Васильевич Киреевский. В рукописном фонде Российской государственной библиотеки было обнаружено письмо игумена Антония (Бочкова), являющееся, по-видимому, ответом на интересующие Ивана Васильевича вопросы. К сожалению, пока не представилось возможным найти письмо И.В. Киреевского, ответ на которое дает священнослужитель. Очевидно, оно было написано в период с 1848 по 1856 г., во время плодотворной работы Ивана Васильевича с издательством Оптиной пустыни. Однако, невзирая на это, само содержание письма дает возможность проследить сферу духовных исканий русского философа и попытку их объяснения со стороны человека, укорененного в православной традиции и одновременно обладающего разносторонним светским образованием.

Письмо игумена Антония (Бочкова) И.В. Киреевскому¹

Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

Премногоуважаемый и благороднейший странноприимец, мой Возлюбленный брат о Христе Иисусе, Иван Васильевич!

Луки зач. 30. ст. 40 Приемляй праведника во имя праведника мзду праведнику примет, приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу примет.

Вы приняли оптинских святых отцев как праведников – и получили (желаю, чтобы за нее) – мзду пророчу: не могущество и богатство тленное, а богатство мысли и силу души. Я читал ваши сочинения с радостью, напрягая между тем все силы моего слабого ума, чтобы следовать за вашими рассуждениями: чтобы его составить, надо было бы многому учиться, много размышлять, много читать, наблюдать и много испытать. Поэтому сочинение ваше будет доступно только некоторому кругу – именно университетской и академической братии вашей, а не всем. В нем виден глубокий знаток философии, но

и воспитанник университетской специфики. Мыслей много, но они мало обличены в тело, мало житейских осязательных примеров. Может быть, так надобно по времени нашему, когда нельзя выражаться прямо, страха ради, может быть, опытность и навык заставили вас говорить языком отвлеченным: но тем и похвала вам, что и в утаенном и покровенном вы могли высказать, что Россия истощит себя напрасно, если не погубит, следуя за своим обманчивым призраком – Европой, и что для нее другой путь издревле приготовлен Творцом и показан Церковью. Так ли я понял вашу мысль – не знаю?

Статья в «Маяке»², вам, конечно, известная, за которую некоторые попали в немилость, была в совершенно в тех смыслах, что и ваша, хотя в ней не было вашей учености и спокойного изложения; но она была блестящая, увлекательная, со множеством примеров, имеет нанизанность на эту нить, которую необходимо тянуть, по крайней мере, от августа, чтобы доказать свое положение. Заглавие ее кажется: разбор книги века Людовика XV. Ваши доказательства, набранные массою, итогом больших познаний и начитанности, поэтому именно будут недоступны многим, которые не имеют понятия об влиянии арабской словесности <неразборчиво> а римскую, намек вам на умное делание и Царствие Христово иже есть внутри нас, независимо от сложившихся переворотов и обстоятельств: все это останется для немногих. С большим наслаждением и в первый раз в моей темной келии читал я ваши замечания о богословии бл. Августина, и логической неправоте римлян в языческой философии, богословии, да и в праве их и даже в их логике. Это я ощупывал моею душою давно, но вытянуть эту мысль, как вы, не мог, ибо, увы, моя кратка. Также и замечания ваши о сирских св. отцах, хотя и в греческом Добротолюбии, в словах писателей последних веков видно прежнее разглагольствие о невидимости, неизобразительности, неосязательности Божества, хотя будто эти свойства сами по себе выше других свойств и явлений непостижимого Божеского Духа. Я не стану под-

¹ Публикуется по: [7].

² «Маяк» – русский литературный журнал XIX века, выходивший в 1840–1845 гг. Полное название «Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных». С 1842 г. – «Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности».

тверждать эти высказывания и не скажу о великом делателе русском о. Василиске³, нашем современнике, потому что это завлечет на другую дорогу, и, может быть, не по силам моим будет, а продолжу легкий и неученый обзор ваших сочинений.

В Оптиной пустыни она, верно, найдется.

Ваши взгляды на германскую философию и на результат ея: (я не говорю о 1848 годе), а об этом умственном хаосе, который страшнее всякого вещественного, об этом сомнении во всем, даже и в своем существовании. Это возвращение от начала света, к началам тьмы, сомнение и самой истине, простой и осязаемой, и доказанное вами, что зовем (*ne plus ultra*⁴), напряженного гордо-любопытного ума, который знать не хочет, что не должно предлагать правил отцев: я читал с любопытством, имея предварительные легкие понятия о философах немецких. Но позвольте вам сказать. Я думаю – но не утверждаю, что как за мраком внутренней напряженной молитвы следует видение, высшее молитвы, по словам отцев: так и за этим напряжением не последовал бы дьяволизм, не Германский и Готовский, а языческий, наших скопцев, *<неразборчиво>*, Царство Антихриста, и тогда его власть над миром, будет видима. Теперь сеть железных дорог и телеграф многим явит и шар земной, сближая людей для общего согласия негативных, как *<неразборчиво>*. Это евангельские простые слова, свет *<неразборчиво>* букв: найдет на вывезапу день–яко сеть, и преидея на вся живущия на лице всея земли. Луки. Зач. 107, ст. 35. И оно исполняется в указанном примере. Ваше спокойное предположение, что Россия могла бы избежать этого обаяния, следуя светлomu голосу Церкви, которая вела ее по другому пути и к другой цели, хотя и не ясной, ибо назначение нашего государства известно одному Богу. Предположение это и в «Маяке», что царствие Божие, видимо, есть не в переменах в нашем Отечестве, но его православной силе *<неразборчиво>*, и что мы можем надеяться на благосостояние, славу не земную – это предположение едва ли согла-

суется с предположением самого Спасителя и апостолов о слитном общении последнего времени. Отмечены стать начал религии – тот *<неразборчиво>* оружия. Что ей славянство и разговор на малом семейном кругу, семья *<неразборчиво>* не будет первохристианская домашняя церковь. Кондиции, порчи, оговорено до сего времени, привьют и народам нашим *<неразборчиво>* свойства? Нетрезвость не истребилась. Есть оружие и гнуснее, древний порок, о котором я говорить не стану. И поэтому я не ожидаю никаких перемен к лучшему для России вообще, разве для некоторых, приученных гордиться советами с Европой. Но всего справедливее замечание ваше, что народ наш любит укрывать *<неразборчиво>* мантиями патриархатами, учиться от церкви и правильно располагать годами свои радости по месяцеслову календарю церковному, подчиняясь ей святым обрядам от колыбели до могилы. Раскольничьи сословия, управляясь в Австрии да Турции, ярко доказывают, что эти молитвенные собрания и семейная *<неразборчиво>* кругов, есть ярмо нашего народа. Взгляды *<неразборчиво>*.

Верно, и замечания ваши (очень необходимые), что эта наша любовь к традициям и церковной формальности опасна для самой религии, которая не в одной ее букве. До сего времени в православных монастырях наших уставщина или типикора⁵ не лучше времен Дионисия архимандрита⁶, пострадавшего за мнимую ересь, и значение порядка церковного для них важнее христианских заповедей. Сколько в последнее время было проклятий за мнимую ересь? Я на себе это испытал.

⁵ Возможно, от слова «Типикон» (церк.-слав. Τυπικόνъ, Типикъ), (греч. Τυτικόντυπλος – образец, устав) – церковно-богослужебная книга, устанавливающая порядок православного богослужения или Богослужебный устав.

⁶ Преподобный Дионисий Радонежский (в миру Давид Федорович Зобнинский, ок. 1570 г., Ржев – ок. 5 (15) мая 1633 г., Троице-Сергиева лавра) – архимандрит, святой Русской православной церкви. Был несправедливо обвинен в самовольном и ненадлежащем исправлении богослужебных книг, за что в 1618 г. был запрещен в священнослужении и приговорен к уплате пени в 500 руб. Не признав себя виновным, был сослан в Новоспаский монастырь. В 1619 г. был оправдан вернувшимся из польского плена патриархом Филаретом (Романовым).

³ Возможно, речь идет о преподобном Василиске Сибирском (в миру Василий Гаврилович Гаврилов; ок. 1740 г., деревня Иванищи близ Калыгина – 29 декабря 1824 г. (по ст. стилю) – пустынножителем, преподобном Русской православной церкви (канонизирован в 2004 г.)).

⁴ Ничего больше (лат.)

Времена патриарха Иосифа⁷ и его великого преемника⁸, которых добром *<неразборчиво>* и смирением цари добровольно расширили границы церкви, проявляющей подчиненность власти во всем, что касается до религии собственно. Эти времена, конечно, сплели ходатайствования и Петра Великого и приготовили нашу реформацию. Ибо она последовала, действительно, при всем нашем православии. Не имам царя, токмо кесаря! Но и великий, добросовестный, любящий отец отечества, Петр Великий, этот *<неразборчиво>* и первый император, *<неразборчиво>* первое время, по человеческой слабости, уклонился слишком к Западу. Его трубки, шнабы, ассамблеи и в его голандизме доказывает, что и великий уподобляется до Нидер-ланде⁹. Его увеселения особенно: князь-кесарь, князь-папа, кардинал-поп на похоронах¹⁰, и все это преукрашение сливается *<неразборчиво>* с церковью, богов и традиций с молебнами: это прегорькая для воспоминания яства. Но, благодаря сознанию во своих ошибках, похоронам святителя Митрофана¹¹, и святой конец его положения своей жизни за подданных являет, что это душа великая и благородная, первая при церкви неукосненно бы отбросить вся находит излишним, если бы они *<неразборчиво>*.

Пророчество во устах Церкви, говорит где-то о премудрости и славе Петра, который свои начинания вашу *<неразборчиво>* – сбует, от него уйдет прекращение, временно погостивши, то едва ли в тщеславную Грецию. Слова ап. Павла, римлянам, зач. 106 и 107¹². Вот если я что и могу вам сказать о

согласии вашем, прошу извинить мне малую мою образованность, худое, небрежное образование, которым не с вами состязаться, *<неразборчиво>*, а, может, только в дружеской беседе, при малом страдании *<обгоревший фрагмент>*, себя по мере малого, данного от Бога таланта.

При сем стесняюсь примеров в малом моем стихотворении из числа многих, *<неразборчиво>* в моей убогой келье. Прошу и ваших друзей сказать о них свои прямые мысли. Простите: будьте здоровы и терпеливы для назидания множества, не обращайтесь внимания на петербургских друзей, которые немало способствуют на преустройство царства людей. Берегите вашу голову от излишнего напряжения телесных сил. Я остаюсь навсегда недостойным богомольцем вашим.

бужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них? Ибо если отвержение их – примирение мира, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых? Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишь перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя. Скажешь: «Ветви отломились, чтобы мне привиться». Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя. Итак, видишь благодать и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благодать к тебе, если пребудешь в благодати Божией; иначе и ты будешь отсечен. Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их. Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине (Рим. 11:13-24).

Зачало 107. Братия, я не хочу оставить вас в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их. В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцов. Ибо дары и призвание Божие непреложны. Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь (Рим. 11: 25-36).

⁷ Патриарх Московский и вся Руси с 1642 по 1652 г.

⁸ Речь идет о Никоне, Патриархе Московском и всея Руси, во время патриаршества которого (1652–1666) произошел великий раскол Русской церкви.

⁹ В переводе с голландского языка «Нижняя земля».

¹⁰ Титулы и должности членов «Всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора», созданного Петром I с целью развлечений, питейных увеселений, карнавалов и т. д., своеобразная шутовская «орденская организация», объединявшая царских единомышленников.

¹¹ Святитель Митрофан Воронежский (1623–1703) – святой Русской православной церкви, епископ Воронежский и Елецкий. Пользовался особым уважением Петра I, который лично, со своими сподвижниками, нес гроб почившего святителя при его погребении.

¹² Зачало 106 и 107 послания апостола Павла к Римлянам включают стихи с 13 по 36 главы 11. Текст: Зачало 106. Братия, вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. Не воз-

В заключение хотелось бы отметить важность вышеприведенного письма для оценки исследователями влияния православных богословов на труды И.В. Киреевского. Наряду с советами личного характера, например, по поводу «академического» слога изложения, «непонятного для всех», или малого количества жизненных примеров в тексте, что абстрагирует автора от реальных проблем, игумен Антоний хвалит адресата за четкую мысль, на которую «нанизаны» все его рассуждения.

Однако в этом же письме он касается и некоторых проблем, раскрытие которых мы видим в ряде трудов И.В. Киреевского [8; 9], а именно:

- влияние римской (языческой) философии на формирование и развитие западного богословия;

- противопоставление путей развития России и Европы;

- признание негативного влияния обрядоверия на формирование истинного православного мировоззрения.

- понимание реформ Петра I как «русской реформации».

Развитие указанных идей в ряде статей И.В. Киреевского показывает, что они не оставили его равнодушным, вызвали внутреннее согласие, подтвердили правильность собственных мыслей, а значит, были значимы для него. Следовательно, сравнительный анализ недавно обнаруженных и уже известных источников может раскрыть новые грани наследия выдающегося русского философа.

Список литературы

1. Кошелев А.И. Об обращении Ивана Васильевича // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. / под ред. М. Гершензона. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. Т. 1. С. 285-286.
2. Антонов К.М. Философия И.В. Киреевского: антропологический аспект. М.: Православ. Свято-Тихонов. гум. ун-т, 2006. 236 с.
3. Долгушин Д.В. А. Жуковский и И.В. Киреевский: из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 178 с.
4. Василенко Л.И. Введение в русскую религиозную философию. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 2-е изд. 448 с.
5. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. / под ред. М. Гершензона. Carouge-Geneve: Тип. Император. моск. ун-та, 1911. Т. 2. 294 с.
6. Аксененко Е.М., иеродиакон Антоний (Козин). Дон-Кихот русского монашества: Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова) (1803–1972). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. 288 с.
7. Антоний (Бочков), игумен. Письмо Ивану Васильевичу Киреевскому // Фонд рукописей РГБ. Ф. 213. Карт. 56. № 40. Л. 5-7об.
8. Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. / под ред. М. Гершензона. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. Т. 1. С. 109-120.
9. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. / под ред. М. Гершензона. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. Т. 2. С. 174-222.

References

1. Koshelev A.I. Ob obrashchenii Ivana Vasil'yevicha [On conversion of Ivan Vasilyevich]. In: Kireyevsky I.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Kireyevsky I.V. Complete Collection of Works: in 2 vols.]. Moscow, P. Bakhmetev's Typography, 1861, vol. 1, pp. 285-286. (In Russian).
2. Antonov K.M. *Filosofiya I.V. Kireyevskogo: antropologicheskiy aspekt* [Philosophy of I.V. Kireyevsky: Anthropological Aspect]. Moscow, St.Tikhon's Orthodox University Publ., 2006, 236 p. (In Russian).
3. Dolgushin D.V. A. Zhukovskiy i I.V. Kireyevskiy: iz istorii religioznykh iskanii russkogo romantizma [A. Zhukovsky and I. V. Kireyevskiy: from the History of Religious Searches of Russian Romanticism]. Moscow, Handwritten Monuments of Ancient Russia Publ., 2009, 178 p. (In Russian).
4. Vasilenko L.I. *Vvedeniye v russkuyu religioznuyu filosofiyu* [Introduction to Russian Religious Philosophy]. Moscow, St.Tikhon's Orthodox University Publ., 2009, 448 p. (In Russian).
5. Kireyevskiy I.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Complete Collection of Works in 2 vols.]. Carouge-Geneve, Imperial Moscow University Typography, 1911, vol. 2, 294 p. (In Russian).

6. Aksenenko E.M. hierodeacon Anthony (Kozin). *Don-Kikhot russkogo monashestva: Zhizn' i tvorchestvo igumena Antoniia (Bochkova) (1803–1972)* [Don Quixote of Russian Monasticism: The Life and Work of Hegumen Anthony (Bochkov) (1803–1972)]. St. Petersburg, “Pushkin House” Publ., 2010, 288 p. (In Russian).
7. Anthony (Bochkov), hegumen. Pis'mo Ivanu Vasil'yevichu Kireyevskomu [Letter to Ivan Vasilievich Kireyevskiy]. *Fond rukopisey RGB* [Fund of Manuscripts of the Russian State Library], fund 213, map. 56, no. 40, pp. 5-7. (In Russian).
8. Kireyevskiy I.V. V otvet A.S. Khomyakovu [In response to A.S. Khomyakov]. *Kireyevsky I.V. Polnoye sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Kireyevsky I.V. Complete Collection of Works: in 2 vols.]. Moscow, P. Bakhmetev's Typography, 1861, vol. 1, pp. 109-120. (In Russian).
9. Kireyevskiy I.V. O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia]. *Kireyevsky I.V. Polnoye sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Kireyevsky I.V. Complete Collection of Works: in 2 vols.]. Moscow, P. Bakhmetev's Typography, 1861, vol. 2, pp. 174-222. (In Russian).

Информация об авторе

Щербakov Виталий, священник, первый проректор. Тамбовская духовная семинария Тамбовской Епархии Русской Православной Церкви, г. Тамбов, Российская Федерация; магистр религиоведения, доцент кафедры теологии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vitl.78@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>

Поступила в редакцию 30.09.2019 г.
Поступила после рецензирования 28.10.2019 г.
Повторное рецензирование 13.11.2019 г.
Принята к публикации 20.12.2019 г.

Information about the author

Vitaliy Shcherbakov, Priest, First Vice-Rector. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation; master's Degree of Religion Studies, Associate Professor of Theology Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vitl.78@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>

Received 30 September 2019
Reviewed 28 October 2019
Second peer review round 13 November 2019
Accepted for press 20 December 2019